

© 2026. Д. Н. Христенко

Российский государственный аграрный университет —
МСХА имени К. А. Тимирязева,
г. Москва, Россия

Л. Н. Толстой и аграрный вопрос в России в начале XX в.

Аннотация: Целью работы является аналитическое осмысление взглядов Толстого на земельную собственность в его диалоге с властью, в частности, с П. А. Столыпиным. Художественное творчество Толстого, публицистические воззвания и четкая моральная позиция позволяют выявить его понимание деятельности Столыпина как ориентированной на поддержание институционального авторитета государственной власти. Новизна работы заключается во внимательном осмыслении некоторых исторических фактов, которые при анализе воззваний Толстого и его спора со Столыпиным упускают литературоведы, и в понимании роли русского классика и силе его голоса, которую недооценивают отечественные историки. Автор статьи показывает деятельность Толстого как «адвоката» русского земледельческого народа: писатель считал недопустимым частое землевладение. Анализируются письма Толстого к Столыпину, взгляды министра об абстрактном мужике-фермере и его консервативная политическая позиция, которые противоречили мнению крестьян, о чем ярко свидетельствовали выборы в I и II Государственные думы и развернувшаяся политическая борьба. Подчеркивается, что Толстой не стремился к полемике, что он пытался указать Столыпину на необходимость прекращения эскалации внутригосударственного противостояния.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, П. А. Столыпин, аграрный вопрос, земельная собственность, крестьяне, выборы, Государственная дума, Генри Джордж

Информация об авторе: Дмитрий Николаевич Христенко, кандидат исторических наук, Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева, ул. Тимирязевская, д. 49, 127434 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 19.01.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 30.03.2026

Дата публикации статьи: 25.06.2026

Для цитирования: Христенко Д. Н. Л. Н. Толстой и аграрный вопрос в России в начале XX в. // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 2. С. 320–341. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-320-341>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 320–341. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 320–341. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Dmitrii N. Khristenko

Russian State Agrarian University —
Moscow Timiryazev Agricultural Academy
Moscow, Russia

L. N. Tolstoy and the Agrarian Question in Russia at the Beginning of the 20th Century

Abstract: The aim of this work is to examine Tolstoy's views on land ownership in his dialogue with the authorities, particularly with P. A. Stolypin. Tolstoy's literary works, journalistic appeals, and clear moral position reveal his understanding of Stolypin's actions as aimed at maintaining the institutional authority of state power. The work's novelty lies in its careful consideration of certain historical facts that literary scholars have overlooked when analyzing Tolstoy's appeals and his dispute with Stolypin, and in its understanding of the role of the Russian classic and the power of his voice, which Russian historians underestimate. The author demonstrates Tolstoy's activity as an "advocate" for the Russian agricultural people: the writer considered private land ownership unacceptable. The article analyzes Tolstoy's letters to Stolypin, the minister's views on the theoretical peasant farmer, and his conservative political stance, which clashed with the peasants' views, as vividly demonstrated by the elections to the First and Second State Dumas and the ensuing political struggle. The article emphasizes that Tolstoy did not seek controversy, but rather sought to point out to Stolypin the need for an end to the escalation of the internal conflict.

Keywords: L. N. Tolstoy, P. A. Stolypin, agrarian question, land ownership, peasants, elections, State Duma, Henry George

Information about the author: Dmitrii N. Khristenko, PhD in History, Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Timiryazevskaya St., 49, 127434 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Received: January 19, 2026

Approved after reviewing: March 30, 2026

Published: June 25, 2026

For citation: Khristenko, D. N. "L. N. Tolstoy and the Agrarian Question in Russia at the Beginning of the 20th Century." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 2, 2026, pp. 320–341. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-320-341>

В России конца XIX — начала XX в. самым важным общественно-политическим вопросом был аграрный. Именно от успешности его решения, от результативности преобразования жизни крестьян зависело будущее страны в XX в. Между тем, русское правительство во главе с Николаем II долгое время не предпринимало никаких действий для снятия противоречий, возникавших между крупными землевладельцами (помещиками) и крестьянами. Вопрос о земле и собственности на землю, неулаженный еще со времени крестьянской реформы 1861 г., в начале XX в. стал первостепенной причиной народных возмущений. Объяснялось такое положение дел тем, что Россия оставалась аграрной страной, более 85 % населения которой составляли крестьяне.

К началу XX в. многие крестьяне находились в очень сложном положении. Ключевой проблемой было отсутствие у них земли при значительно выросшем количестве сельского населения. Одновременно в хозяйстве страны протекали негативные социально-экономические процессы, такие как запустение центра и серьезное оскудение помещичьих хозяйств, достигшее к рубежу веков своего апогея.

Образованная часть русского общества, озабоченная ситуацией в стране и будущим России, прекрасно осознавала необходимость решительных и спешных перемен, которые, к сожалению, не были осуществлены правительством. Поразителен тот факт, что власти страны, проигнорировав многочисленные предупреждения, решили до конца отстаивать крупное землевладение и права дворян на землю в противовес прогрессивному обществу, требовавшему решения земельного вопроса с отчуждением земли.

Так, историк Г. Н. Кочешков отмечал, что аграрный вопрос в России был одним из самых крупных и сложных в мире:

Английскому законодательству потребовалось свыше 30 лет, чтобы урегулировать земельные отношения и добиться определенных и оконча-

тельных результатов. Речь шла всего о 3–4 млн. десятин помещичьей земли, арендуемых крестьянами. В России первоочередной задачей было не регулирование арендных отношений, а отчуждение частновладельческой земли, площадь которой более чем в десять раз превышала земельную площадь английских ленд-лордов [Кочешков: 30].

Особенно яркими и значимыми в плане освещения состояния земельного вопроса в первое десятилетие XX в. были взгляды Толстого, мнение которого не нашло отклика в правящих кругах. Причиной невнимания к Толстому стала позиция русского писателя, выступившего *в оппозиции к власти* и собственно тому классу, к которому он сам принадлежал — к русскому дворянству. Исследователь В. Г. Андреева показала двойственность и сложность Толстого и его позиции, которую он пронес через всю свою сознательную жизнь. С одной стороны, она «заключалась в необходимости соответствия своему роду, продолжения служения Отечеству, ведения “барской” жизни и поддержания любимого и доставшегося ему по наследству имения Ясная Поляна». С другой стороны, она проходила в «постоянных попытках отказа от чрезмерных условностей высшего света, от излишних материальных трат, упрощения усадебной жизни, избегания обременения других людей, в частности, собственных крестьян, о судьбах которых писатель немало задумывался» [Андреева 2025: 303].

Целью работы является аналитическое осмысление взглядов Толстого на земельную собственность в его диалоге с властью, в частности, с П. А. Столыпиным. Художественное творчество великого русского писателя, его публицистические воззвания и четкая моральная позиция Толстого позволяют выявить его понимание деятельности П. А. Столыпина как целенаправленных и системных действий, ориентированных на поддержание институционального авторитета государственной власти, а не на *общественное благо*. При этом оценки текущей социально-экономической и политической ситуации, сформированные в правящих кругах, характеризовались неадекватным восприятием реального положения дел в стране.

Новизна и особенность работы заключается как во внимательном осмыслении некоторых исторических фактов, которые при анализе воззваний Толстого и его спора со Столыпиным упускают многие литературоведы, так и в оценке роли русского классика и

силе его голоса, которую часто недооценивают многие отечественные историки.

Стоит напомнить, что сам Толстой в письме к В. В. Стасову от 18 октября 1905 г. назвал себя «адвокатом 100-миллионного земледельческого народа» [Толстой 76: 45]. Однако эту фразу писателя исследователи использовали нередко просто как красивое выражение, как формулу-метафору, между тем, она имеет прямой смысл, на который фактически не обращают внимания. Толстой прекрасно понимал положение дел в стране, и используя эту номинацию в отношении себя, писал: «Я во всей этой революции состою в звании, добро и самовольно принятом на себя...» [Толстой 76: 45]. Обратим внимание, что находясь в отдалении от столиц, писатель берет на себя *роль адвоката*, включаясь в сложную борьбу за народ: Толстому в это время было уже 77 лет, он много болел, часто плохо себя чувствовал, однако писатель убеждался, что мало кто из его современников был способен *публично заступиться за русское крестьянство, выступить на его стороне* в сложной борьбе двух общественно-политических течений в решении аграрного вопроса. Приведем отрывок из письма Толстого к Е. В. Молостовой от 1 января 1906 г., в котором писатель подчеркивает свою активную общественную позицию:

Совершающиеся события не дают мне спокойно заниматься теми работами, которые более свойственны моему возрасту, а заставляют отзываться на совершающееся. Что и сделал в последних двух статьях: «Конец века», вышедшей, и другой, которую только что окончил [Толстой 76: 75].

К сожалению, в исторической науке и литературоведении очень распространены суждения об общественной деятельности Толстого как специфической, абстрактной, мало связанной с реальной действительностью:

...не оставаясь изолированным от исторических проблем, чутко на них реагируя, Л. Н. Толстой не смог выйти за пределы своего мира, до конца познать народную природу, в связи с чем его учение ненасилия не встретило массовой поддержки [Семеева: 107].

Ошибочность данного взгляда связана, по нашему мнению, с продолжением такого отношения к Толстому, которое намеренно культивировалось правительством на рубеже XIX–XX вв. и в первое десятилетие XX в. Писателя нередко пытались представить как увлекшегося своими идеями и ушедшего в морализаторство проповедника, дабы сокрыть прямой и явный смысл его работ. Слава Толстого, его известность делали писателя во многом недосягаемым для светских властей. В этом отношении церковная анафема, наложенная на Толстого, должна рассматриваться в том числе как попытка властей обвинить мыслителя в «несостоятельности», негативно повлиять на его авторитет.

Следует отметить, что писатель открыто выражал собственную позицию, демонстрируя отсутствие излишнего почтения к властной иерархии. Получив письмо из Боржома от великого князя Николая Михайловича, который сообщал Толстому о все усиливающейся на Кавказе борьбе крестьян за землю, «где бьют помещиков, как зайцев, чуть ли не каждую неделю», Толстой в послании от 14 сентября 1905 г. сообщил о своем желании прекратить отношения и переписку с великим князем. Причиной была неспособность Толстого к умолчанию и сокрытию собственной позиции:

Вы великий князь, богач, близкий родственник государя, я человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом [Толстой 76: 32].

Деятельность Толстого как «адвоката» русского земледельческого народа не была мотивирована ни материальным вознаграждением, ни стремлением к публичному признанию. К рассматриваемому времени его литературная известность и моральный авторитет были значимы не только в российском обществе, но и во всем мире. Мотивы его действий определялись исключительно мировоззренческими установками. Толстой очень пронизательно и остро чувствовал беды русского крестьянства, связанные, в первую очередь, с отсутствием у мужиков земли и прав на нее. В статье «Великий грех» (1905) Толстой отмечал:

Пройдите по всей России, по крестьянскому миру, и взгляните во все ужасы нужды и во все страдания, происходящие от очевидной причины: у земледельческого народа отнята земля. Половина русского крестьянства

живет так, что для него вопрос не в том, как улучшить свое положение, а только в том, как не умереть с семьей от голода, и только оттого, что у них нет земли [Толстой 36: 209].

Публицистические статьи Толстого являются ярким свидетельством кризиса, который переживал народ. Этот кризис был вызван хорошо известным отечественным историкам фактом «аграрного перенаселения»:

Сельское население 50 губерний Европейской России выросло со времени реформы 1861 г. с 50 до 86 миллионов человек. Площадь же наделенной земли оставалась неизменной. И если в 1860 году средний размер надела на наличную душу мужского пола равнялся 4,8 десятины, то к 1900 году он понизился до 2,6 десятины, уменьшившись почти вдвое [Лебедев: 404].

Ю. В. Лебедев справедливо отмечает, что сельское хозяйство страны в начале XX в. заходило в тупик, «усугубляемый нарастающей тяжестью тех повинностей, которые вынуждены были платить крестьяне за наделенную землю» [Лебедев: 405].

В этой ситуации требовались предельно простые, понятные и решительные меры по наделению землей сельскохозяйственного населения. Однако царское правительство не было готово к решительным переменам и признанию личности трудящегося крестьянина как *основополагающего элемента социального устройства государства*. Авторитет властей страны был серьезно дискредитирован голодом 1891–1892 гг., который обнажил равнодушное отношение к народу, а также был отмечен действиями, воспринимавшимися крестьянством как продолжение безжалостной экономической эксплуатации (изъятие скота у крестьянских хозяйств, поддержание системы выкупных платежей в пользу помещичьего землевладения и др.)

Толстой и члены его семьи развернули активную и деятельную помощь голодающим, сам писатель уезжал в особенно пострадавшие от неурожая места, где крестьяне находились на грани жизни и смерти. Рассматривая образ земли в романе Толстого «Воскресение», В. Г. Андреева отмечает, что писатель смог передать в произведении *эпический масштаб бедствия*, и показывает глубинную связь проблематики романа со статьями Толстого «Где выход?» (1900), «Великий грех» (1905),

«Единственное возможное решение земельного вопроса» (1906) [Андреева 2020: 220].

Крестьяне продолжали оставаться в униженном положении вплоть до революции. Глубоко символично, что Толстой многократно, в разных своих произведениях, в доступной и понятной форме писал об отсутствии у крестьян земли. Приведем отрывок из романа «Воскресение», в котором старик-крестьянин в деревне, принадлежащей Нехлюдову, описывает барину свое положение:

— Да какая же жизнь? Самая плохая жизнь, — сказал старик, следуя за Нехлюдовым на вычищенную до земли часть под навесом.

Нехлюдов вошел за ним под навес.

— У меня вон они двенадцать душ, — продолжал старик, указывая на двух женщин, которые с сбившимися платками, потные, подоткнувшись, с голыми, до половины испачканными навозной жижей икрами стояли с вилами на уступе не вычищенного еще навоза. — Что ни месяц, то купи шесть пудов, а где их взять?

— А своего разве недостает?

— Своего?! — с презрительной усмешкой сказал старик. — У меня земли на три души, а нынче всего восемь копен собрали, — до Рождества не хватило.

— Да как же вы делаете?

— Так и делаем; вот одного в работники отдал, да у вашей милости деньжонок взял. Еще до заговенья всё забрали, а подати не плачены.

— А сколько податей?

— Да с моего двора рублей семнадцать в треть сходит. Ох, не дай Бог, житье, и сам не знаешь, как оборачиваешься! [Толстой 32: 210].

Толстой не случайно назвал себя «адвокатом 100-миллионного земледельческого народа», писатель боролся за права крестьянских тружеников, обрабатывавших землю. Последние были убеждены, что земля должна быть предметом общей собственности, не считали допустимым частое землевладение. Именно с этой точкой зрения, народной, достаточно рано выступает Толстой. *Теоретической основой* своих заявлений он делает труды американского политэконома Генри Джорджа (1839–1897), который считал, что земля изначально принадлежала всем людям, а ее захват и эксплуатация ограниченным кругом лиц не

законны. В качестве средства, которое поможет уравнивать людей в использовании лучшей или худшей земли, Джордж предлагал использование ренты — единого налога — и отказ от собственности на землю. При этом ученый не раз отмечал *простоту и понятность* общественных и политических задач, которые намеренно скрываются от людей за *сложными* законами:

А за этими сложными фальшивыми мнениями и вводящими в заблуждение теориями скрывается деятельная энергичная сила; сила, которая во всякой стране, каковы бы ни были ее политические учреждения, пишет законы и отливает мысль в свои формы — сила обширного и господствующего денежного интереса [Джордж: 358].

Рассуждая во многом как и Джордж, солидаризируясь с ним, Толстой во всех своих работах учитывал специфику русской крестьянской жизни, понимая активность крестьянства и его значение, но при этом осознавая неразвитость и необразованность народа, его неумение отстаивать свои интересы.

Можно не приводить цитаты из ключевых толстовских статей, посвященных аграрному вопросу и образу крестьянина, достаточно только отметить, что пафос этих статей очень высок, прежде всего, в работах «Рабство нашего времени» (1900), «Великий грех» (1905), «Письмо крестьянину о земле» (1905), «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (1905–1906), «Единственное возможное решение земельного вопроса» (1906), «Что же делать?» (1906) и некоторых других Толстой доходчиво и точно передает абсурдность ситуации, сложившейся в самой большой на планете аграрной стране, землями которой владеет не народ, но определенная группа людей, не способных к настоящему труду, часто не уважающих, не ценящих этот труд миллионов крестьян.

Примечательно, что многие идеи Толстого о жизни на земле и совместном землепользовании были реализованы, пусть и в несколько искаженном виде, только за рубежом, в колониях русских духовоборов в Канаде, что вызывало пристальное внимание зарубежных наблюдателей [Христенко].

Внутри России позиция Толстого, полностью совпадавшая с мнением крестьянства — главного социального слоя страны, так и не

нашла отклика у власти. Е. Е. Румянцева справедливо отметила, что «альтернативный подход к исследованию истории позволяет понять, что произошло бы в России, если бы были реализованы предложения Л. Н. Толстого о едином земельном налоге и наделении землей всех крестьян, а не выборочно. Возможно, революции в царской России и не случилось бы. Выходит, что история тех событий освещена все еще недостаточно объективно» [Румянцева: 244].

Действительно, но сих пор нет единого объективного и осмысленного взгляда на полемику Толстого и Столыпина. К сожалению, отдельные исследователи не учитывают факты очевидных нарушений этических и правовых норм, допущенных П. А. Столыпиным в защиту правительства. Распространенной практикой является ангажированный отбор фактологического материала, приводящий к апологетической оценке деятельности российского премьер-министра.

К примеру, нельзя согласиться с С. Н. Смирновым, заявляющим, что «основным позитивным результатом аграрной реформы П. А. Столыпина является существенное повышение правового статуса крестьянства и подведение под увеличившийся объем прав крестьян экономического фундамента», что «продажа земли стала одним из наиболее существенных источников финансирования для крестьян» [Смирнов: 39]. Н. В. Новикова считает, что «суть фактически второго раскрепощения крестьян, как справедливо оценивают предпринятый П. А. Столыпиным шаг, заключалась в том, чтобы законодательно освободить мужика-работника от общинных скреп, дать ему возможность трудиться, будучи хозяином обрабатываемой земли» [Новикова: 225]. Однако перед нами не вполне верное заключение исследовательницы: в действительности возможность трудиться у крестьян была всегда, при этом народ трудился не только на себя, но и на помещиков, а вот прокормить себя большинство крестьян так и не могло вплоть до самой революции.

Знаменитый ученый-народник и общественный деятель А. Н. Энгельгард, описывая жизнь крестьян в России в конце XIX в., отмечал:

Мужик-земледелец ест самый плохой ржаной хлеб с костером, сивцом, пушницей, хлебает пустые серые щи, считает роскошью гречневую кашу с конопляным маслом, об яблочных пирогах и понятия не имеет, да еще смеяться будет, что есть такие страны, где неженки-мужики яблочные пироги едят [Энгельгард: 350–351].

Н. В. Новикова поддерживает иллюзию превращения крестьянина в фермера — именно по этому пути хотел повести нашу аграрную страну Столыпин. Он мечтал направить сельское хозяйство России по американскому пути развития, радел за появление в стране фермеров, однако эта идея была выдвинута во многом для сохранения частной собственности на землю в том виде, в котором она существовала ранее, а значит — для противодействия народу и его «адвокату» Толстому. Н. В. Новикова, показывая «историческое противостояние писателя и политика» [Новикова], обращаясь к письмам Толстого к Столыпину, открыто подчеркивает заслуги министра, цитирует его речи, но не раскрывает основы конфликта.

Между тем надо помнить, что Столыпин был назначен Николаем II на пост в значительной степени благодаря своей репутации как консервативного деятеля, а также ожидаемой лояльности в будущем:

26 апреля 1906 г., после отставки Витте и назначения главою правительства И. Л. Горемыкина, Николай II приглашает на пост министра внутренних дел саратовского губернатора П. А. Столыпина, жестоко подавившего крестьянское движение в своей губернии [Лебедев: 414].

Исследователи, пишущие о Столыпине, зачастую не отмечают тот факт, что его взгляды об абстрактном мужике-фермере и консервативная политическая позиция шли вразрез с мнением народа. Об этом ярко свидетельствовали выборы в I и II Государственные думы и политическая борьба, развернувшаяся в только что созданном законодательном органе.

Безусловно, главным вопросом в работе как первой, так и второй Государственной думы оставался земельный вопрос. Вокруг него выстраивалась вся политическая борьба, и именно его нерешенность в конечном счете привела к разгону обоих представительных учреждений. Уже в самом начале работы первой Думы, 8 мая 1906 г., кадетская фракция, насчитывавшая 42 депутата, выдвинула законопроект, который должен был стать компромиссным решением аграрной проблемы. Этот проект предусматривал дополнительное наделение крестьян землей, причем источником должны были послужить казенные, монастырские, церковные и удельные земли, а также — в качестве наиболее острого пункта — частичный принудительный выкуп помещичьих

земель. Кадеты таким образом пытались сохранить принцип частной собственности, но при этом скорректировать ее в пользу крестьянства через механизм выкупа за государственный счет [Журавлев: 32].

Однако, как показали выборы в первую, и во вторую Думу, сами крестьяне отдавали предпочтение вовсе не этим умеренно-либеральным рецептам. Парадокс, но депутаты от крестьян, которых в Думе называли «трудовиками», систематически голосовали за более левые партии. Крестьяне поддерживали Трудовую группу и примыкавших к ней эсеров, а не кадетов. Причина заключалась в фундаментальном расхождении в понимании природы земли: кадеты рассматривали ее как объект купли-продажи с частичной конфискацией, тогда как крестьянское правосознание требовало радикального передела всех угодий без всякого выкупа.

Квинтэссенцией такого левого подхода стало так называемое «Дело 104-х» — проект «Основного земельного закона», внесенный трудовиками и поддержанный 104 депутатами. Эта программа вступала в прямое противоречие с кадетским проектом. Если кадеты настаивали на частичном и возмездном за вознаграждение изъятии, то трудовики требовали полной отмены частной собственности на землю, передачи всей земли, включая помещичью, в общенародный фонд и последующего уравнительного распределения по трудовой или потребительской норме [Журавлев: 42–43]. Именно отсутствие частной собственности становилось краеугольным камнем крестьянской думской программы. Для крестьянского депутата земля была не товаром и не объектом выкупа, а, в согласии с традиционными представлениями, «Божьей» и «ничьей» — принадлежащей лишь тому, кто лично ее обрабатывает.

Фигура крестьянина в первой и второй Думе резко отличалась от того патриархального образа, который консерваторы привыкли рисовать в своих докладах. Это был не «темный и молчаливый проситель», а прагматичный и последовательный радикал. Он с трудом ориентировался в отвлеченных дискуссиях о правах и конституции, но проявлял удивительную твердость в главном: земля должна отойти к крестьянам немедленно, безвозмездно и в полном объеме. Голосуя за трудовиков и поддерживая «Дело 104-х», крестьянин защищал не партийную доктрину, а свой сугубо практический интерес — получить максимальный надел за счет помещичьих, удельных и государственных земель. Этот разрыв между умеренной тактикой кадетов, предлагавших компенсаци-

руемый выкуп, и радикальными требованиями крестьянской России стал фатальным для всей думской системы. Первая Дума была распущена через 72 дня, а вторая, собравшаяся в 1907 г., показала еще большее ожесточение позиций. Наказы с мест требовали «всей земли даром», полиция фиксировала массовое недовольство, и 3 июня 1907 г. вторую Думу постигла та же участь, что и первую, — после чего избирательный закон по инициативе Столыпина был изменен так («третьеиюньский переворот»), чтобы впредь крестьянство уже не могло самостоятельно определять исход голосования.

Разумеется, Толстой был в курсе всего, что происходило в России. Постоянно изучавший прессу, писатель знал ситуации с думами и остро стоявшим на повестке дня земельным вопросом. Примечательно, что Толстому поступила телеграмма от петербургской артельной газеты «Свободный труд» с вопросом, даст ли открывающаяся 20 февраля 1907 г. вторая Государственная дума «хоть каплю счастья народу» и сумеет ли она мирным путем передать землю крестьянам [Толстой 77: 17]. Факт обращения к Толстому с данным вопросом не только еще раз признает его в качестве «адвоката» народа, но и показывает, что общественное мнение в России оценивало писателя как сторонника левых партий того времени. Ответ писателя не оставлял в этом никаких сомнений. 26 января 1907 г. Толстой отправил в редакцию свои статьи о земельном вопросе и отметил:

О том, какая деятельность мне кажется наилучшей, равно об уничтожении земельной собственности, высказался в прилагаемых задержанных статьях [Толстой 77: 17].

Исследователи редко обращают внимание на тот факт, что переписка Толстого и Столыпина напрямую коррелировала с общественно-политическими событиями в стране. Первое письмо писателя к премьер-министру от 26 июля 1907 г. было написано как раз по факту роспуска второй Государственной думы.

Ключевой вопрос и главный пафос письма Толстого состоял в необходимости устранения «вековой, древней несправедливости» — права земельной собственности [Толстой 77: 165]. Писатель справедливо утверждал, что революционеры всех партий имеют поддержку народа именно потому, что они опираются на недовольство крестьян, и пы-

тался растолковать Столыпину этот факт, который, по мнению Толстого, министр мог не понимать:

Несправедливость состоит в том, что как не может существовать *права* одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать *права* одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею [Толстой 77: 165].

Толстой достаточно деликатно и мягко показывает, что он *прекрасно осведомлен о противостоянии Столыпина и первых двух дум*, однако писатель не обвиняет министра, а пытается направить его деятельность по решению земельного вопроса в преддверии открытия третьей Государственной думы по нужному пути, во благо народа:

Начните эту работу до думы, и дума *будет не врагом Вам, а помощником*, помощниками, а не врагами будут Вам и все лучшие люди как из образованных людей, так и из народа (Курсив мой. — Д. Х.) [Толстой 77: 167].

В этом доброжелательном и тактичном письме к Столыпину (Толстого, к сожалению, неверно обвиняют в оскорблении министра) писатель также предлагал Столыпину почитать труды Генри Джорджа, обратиться к его книге “Social problems”, самостоятельно разобраться в деле великой важности и правильно к нему отнестись. По всей видимости, Толстой надеялся, что деятельность Столыпина была вызвана не желанием противостояния, о котором он также много пишет в своем письме, а проблемами внешними, большой загруженностью, отсутствием нацеленности на решение аграрного вопроса.

Еще раз акцентируем внимание читателей на том факте, что, по всей видимости, не аграрная политика Столыпина сама по себе, не указ 9 ноября 1906 г., составивший ее основу, вызвали негодование Толстого. Хотя и сама по себе аграрная реформа была очень далека от интересов народа и страны. Нацеленная на разрушение крестьянской общины, на изоляцию крестьянина, эта реформа была во многом призвана подорвать народное единство, представлявшее опасение для правительства, столкнувшегося с серьезным народным недовольством.

И. Б. Полюбина точно показывает, что российские экономисты-аграрники в большинстве своем «резко осудили правительственные земельные мероприятия». Она отмечает, что они в массе своей подчеркивали «реакционный характер реформ», признали последствия указа 9 ноября 1906 г. «безусловно вредными», «поскольку он приведет не к развитию капитализма, не к развитию производительных сил, а, наоборот, — к остановке в развитии» [Полюбина: 90].

Неслучайно Толстой как «адвокат» народа был возмущен тем, что справедливые голоса, прозвучавшие на сессиях первой и второй Государственных дум, были задавлены, заглушены. В историографии распространена точка зрения, согласно которой правильные шаги Столыпина нарочно не были поддержаны «левыми» первой и второй Государственными думами, якобы не понимавшими нужд страны. В частности, в статье В. М. Юрьева содержится весьма комплиментарная оценка деятельности Столыпина и его аграрной реформы, которая является не вполне обоснованной:

Первая и Вторая Государственные Думы крайне негативно встретили эти преобразования, и только Третья Государственная Дума, сформированная в ноябре 1907 года, поддержала аграрную политику П. А. Столыпина [Юрьев: 31].

Однако апологеты Столыпина забывают, что третья Государственная дума была сфабрикована путем полного нарушения любых демократических норм и процедур голосования. Согласно новому избирательному закону число выборщиков было смещено в пользу помещиков и крупных землевладельцев: 1 голос помещика приравнивался к 4 голосам крупной буржуазии, 65 голосам мелкой буржуазии, 260 голосов крестьян и 543 голосам рабочих. Только подобное полное игнорирование принципов равенства и демократии позволило провести в третью Думу правые партии, *которые в предыдущих составах не играли никакой роли.*

Похожим образом сторонники Столыпина пытаются представить переписку последнего с Толстым как противостояние литератора, занявшегося не своим делом, и великого государственного деятеля:

Надо заметить, что переписка Столыпина и Толстого, по сути, несколько не изменила положения дел. Писатель взял поначалу менторский тон, но

встретив достойный ответ убежденного в своей правоте и просвещенного оппонента, видимо, к этому спору остыл [Сидоровнин: 76].

Нельзя согласиться в данном случае ни с характеристикой тона Толстого, ни с заключением о том, что он «остыл» к спору. Намерение писателя было связано со стремлением обратить внимание премьер-министра на аграрный вопрос как на острую проблему государственного развития, а также предложить наиболее оптимальный, с его точки зрения, путь исправления ситуации. Толстой не стремился к полемике; напротив, его целью было указать Столыпину на необходимость прекращения эскалации внутригосударственного противостояния.

Если в первом письме Толстой в большей степени предупреждал Столыпина, то во втором послании от 28 января 1908 г. писатель с сожалением констатирует ошибки премьер-министра (при этом вежливо общаясь и показывая значимость и высоту положения адресата):

Вы сделали две ошибки: первая, — начали насилием бороться с насилием и продолжаете это делать, все ухудшая и ухудшая положение; вторая, — думали в России успокоить взволновавшееся население, и ждущее только одного: уничтожения права земельной собственности (столь же возмутительного в наше время, как полстолетия тому назад было право крепостное), успокоить население тем, чтобы, уничтожив общину, образовать мелкую земельную собственность [Толстой 78: 41–42].

В данном случае Толстой выражает не только собственную точку зрения, но позицию широких слоев крестьянства и общества в начале XX в., которые, как он полагал, фиксировали многочисленные случаи несправедливых действий со стороны правительства. И. Б. Полюбина, излагая мнения ученых-агроведов того времени, отмечает:

Крестьян нельзя было превратить в процветающих американских фермеров только на основе раздела общинных земель, не трогая помещичьего землевладения. А это делало столыпинскую реформу половинчатой и заведомо обреченной только на незначительные успехи. Помещичье землевладение и подлинный экономический прогресс деревни были несовместимы [Полюбина: 90].

Толстой, сохранявший неоправданные ожидания в отношении Столыпина, призывал его предпринять все возможные меры в интересах крестьянского населения. Даже будучи осведомлен о роспуске двух предшествующих Государственных дум, Толстой выражал надежду на ошибочность собственных представлений о Столыпине, надежду на то, что тот способен руководствоваться в своих действиях моралью и совестью. Глубоко символично, что Толстой предвидел тут и основу для возможного будущего спасения личности министра от рук террористов:

Еще живее могу себе представить, как этот проект (земельного освобождения — Д. Х.) может захватить Думу и привлечь большинство на свою сторону. <...> Вы, пострадавший так жестоко от покушений и почитаемый самым сильным и энергичным врагом революции, Вы вдруг стали бы не на сторону революции, а на сторону вечной, нарушенной правды и этим самым вынули бы почву революции [Толстой 78: 43].

Однако Столыпин не проявил стремления к прекращению внутrigосударственного противостояния, сопровождаемого насилием и человеческими жертвами. Переписка между писателем и министром оборвалась именно потому, что Столыпину нечего было ответить на справедливые замечания народного «адвоката».

Критика в адрес государя и высшего аппарата власти, неспособного обеспечить нормальную жизнь в стране, наиболее ярко прозвучала в одной из пророческих статей Толстого «Не могу молчать» (1908). В ней писатель констатировал, что правительство отводило себе первостепенную роль не в разрешении насущных проблем страны, включая аграрную, а в применении репрессивных мер для контроля над населением, что привело к эффекту, обратному ожидаемому:

О казнях, повешениях, убийствах, бомбах пишут и говорят теперь, как прежде говорили о погоде. Дети играют в повешение. Почти дети, гимназисты идут с готовностью убить на экспроприации, как прежде шли на охоту. Перебить крупных землевладельцев для того, чтобы завладеть их землями, представляется теперь многим людям самым верным разрешением земельного вопроса.

Вообще благодаря деятельности правительства, допускающего возможность убийства для достижения своих целей, всякое преступление: грабеж,

воровство, ложь, мучительства, убийства считаются несчастными людьми, подвергшимися развращению правительства, делами самыми естественными, свойственными человеку [Толстой 37: 88].

Толстой уверенно констатировал изменившееся настроение народа, «которое никакими усилиями нельзя вернуть к прежнему состоянию, — так же нельзя вернуть, как нельзя взрослого сделать опять ребенком» [Толстой 37: 89]. Данная статья стала ответом Толстого на аграрную политику, проводимую государственными деятелями. В итоговом тексте не осталось фамилий (хотя современники Толстого прекрасно понимали и силу этого обращения, и его адресатов), но в черновиках статьи писатель прямо обращался к Столыпину и государю. Толстой в статье рассказывает историю уличения палача художником, который пришел в дом палача и попросил его рассказать о своей деятельности:

Палач этот тем лучше вас, — вы, председатели судов, министры и вы, два главные Столыпин и Романов, — тем лучше, что он знает свое преступление, в которое он был вовлечен и своей бедностью и невежеством. А вы, вы, чем оправдаетесь вы перед людьми теперешними, ненавидящими и презирующими вас теперь, и перед будущими поколениями, которые навсегда с отвращением будут поминать ваши имена.

Разве вы можете верить в то, что, не удовлетворяя требованиям, определенным требованиями всего русского народа и признанным уже большинством людей требованиям самой первобытной справедливости, требованиям уничтожения земельной собственности, не удовлетворяя даже и другим требованиям молодежи, напротив того, раздражая народ и молодежь, вы можете успокоить страну убийствами, тюрьмами, ссылками? [Толстой 37: 395].

Самым ярким опровержением мнений тех исследователей, которые считают, что Толстой замолчал в споре со Столыпиным, так как ему более нечего было сказать, являются дальнейшие обращения Толстого к министру с ходатайствами о помощи частным людям. Следует признать, что Столыпин оказывал содействие в удовлетворении отдельных частных просьб Толстого, хотя предпринимаемые премьер-министром усилия носили весьма ограниченный характер. Писатель же до самой

кончины не оставлял своей роли «адвоката». Так, 18 октября 1907 г. Толстой писал Столыпину с просьбой об освобождении А. М. Бодянского, арестованного за издание брошюры Толстого. В ноябре 1907 г., после ареста Н. Н. Гусева, который был ближайшим другом и помощником Толстого, писатель лично не стал обращаться к Столыпину с просьбой об освобождении Гусева, но попросил Д. А. Олсуфьева: «Покамест же очень, очень прошу вас попросить Столыпину велеть прекратить это дело и выпустить его» [Толстой 77: 238]. 21 августа 1908 г. Толстой ходатайствовал перед Столыпиным об облегчении участи крестьян, находившихся в Новгородской тюрьме и подозревавшихся в принадлежности к Крестьянскому Союзу — после обращения писателя и вмешательства Столыпина крестьяне были выпущены.

Последнее письмо Толстого к Столыпину осталось незавершенным и неотправленным. Это самое грозное и самое отчаянное и всех обращений писателя, который полностью осознал историческую роль Столыпина и его полное равнодушие к судьбам простого народа. Толстой писал о том, что только в высшей степени ослепления здорового человека возможно продолжение деятельности, которую ведет Столыпин, не прекращая озлобление людей всеми ужасами произвола [Толстой 80: 80]. Финальный абзац письма Толстого показывает, что писатель продолжал верить в силу публичного слова, человеческую совесть, возможность исправления столь принципиального политика, каким был Столыпин:

Письмо это пишу я только Вам, и оно останется никому неизвестным в продолжение, скажем, хоть месяц. С первого же октября, если в вашей деятельности не будет никакого изменения, письмо это будет напечатано за границей [Толстой 80: 81].

Причины написания этого послания с финальной угрозой ясны — Толстому и его изобретательности придавала силы выбранная им роль и борьба отнюдь не за себя. Причины не отправки письма также понятны: Толстой не мог не вспомнить о том, что он уже много раз обращался к Столыпину, предлагая и прося скорректировать его деятельность, но результат всегда был противоположным.

Судьба жестоко отомстила и Столыпину, и Николаю II, которые не захотели прислушаться к великому русскому писателю, пытавшему-

ся донести до власти вековые просьбы и исконные надежды русского крестьянина, простого земледельца, во всей их горести и полноте. Разогнав недовольных по тюрьмам и ссылкам, отправив на виселицу и каторгу наиболее активных бунтовщиков, царская власть открыто выбрала путь насилия, который, как и предупреждал писатель, обернулся впоследствии против нее самой. Спустя год после смерти Толстого премьер-министр Столыпин был убит в Киеве, спустя еще семь лет в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге был расстрелян Николай II вместе со своей семьей. Российская империя не пережила Толстого даже на десять лет.

Список литературы

Источники

Джордж Г. Прогресс и бедность / пер. с посл. англ. изд. А. Г. Сахаровой под ред. А. К. Шеллера (Михайлова). СПб.: М. М. Ледерле, 1896. 662 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Энгельгардт А. Н. Письма из деревни: 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. 715 с.

Исследования

Андреева В. Г. Л. Н. Толстой об усадьбе XX в.: от «цивилизации машин» к новому природному дому восточного типа // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 298–327. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-298-327>

Андреева В. Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 192–227. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227>

Журавлев В. В. Первая Государственная дума: «звездный час российского либерализма», длительностью в 72 дня // Российский либерализм и Государственная Дума. 1906–1917 гг. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2019. Ч. 1. С. 26–58.

Лебедев Ю. В. Исторические судьбы крестьянской общины // *Лебедев Ю. В.* «О слово русское, родное!» Страницы истории отечественной литературы. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. С. 382–425.

Кочешков Г. Н. Февральская революция и аграрный вопрос в России: неудавшийся либеральный проект // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 2. С. 30–36.

Новикова Н. В. Л. Н. Толстой и П. А. Столыпин: вопрос о земле (историческое противостояние писателя и политика) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, № 2. С. 223–231. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-223-231>

Полубина И. Б. Аграрный вопрос в экономической науке России начала XX века // Финансы и кредит. 2002. № 15 (105). С. 80–91.

Румянцева Е. Е. Дискуссия о земле: Л. Н. Толстой, Т. М. Бондарев и П. А. Столыпин // Материалы толстовских чтений 2020 года в Государственном музее Л. Н. Толстого. Москва: РГ-Пресс, 2021. С. 238–246.

Семеева С. А. Взгляд Л. Н. Толстого на решение аграрного вопроса в России начала XX в // Проблемы аграрной истории России. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 103–108.

Сидоровнин Г. П. Лев Толстой против Петра Столыпина: спор о земле // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 4 (36). С. 72–78.

Смирнов С. Н. К вопросу о правовых и экономических последствиях преобразований аграрной сферы России в годы реформ П. А. Столыпина (1906–1911) // Аграрное и земельное право. 2019. № 5 (173). С. 37–40.

Христенко Д. Н. Русские классики и судьба России в произведениях американского писателя Мориса Хиндуса // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 240–257. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-240-257>

Юрьев В. М. Особый путь решения аграрного вопроса в России (к 90-летию столыпинской реформы) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1997. № 3 (7). С. 25–45.

References

Andreeva, V. G. “L. N. Tolstoi ob usad’be XX v.: ot ‘tsivilizatsii mashin’ k novomu prirodnomu domu vostochnogo tipa” [“L. N. Tolstoy on the 20th-Century Estate: From the ‘Civilization of Machines’ to a New Natural House of the Eastern Type”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025, pp. 298–327. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-298-327> (In Russ.)

Andreeva, V. G. “Obraz zemli kak odna iz epicheskikh osnov khudozhestvennykh mirov romanov L. N. Tolstogo” [“The Image of the Earth as One of the Epic Foundations of the Artistic Worlds of L. N. Tolstoy’s Novels”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 2, 2020, pp. 192–227. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227> (In Russ.)

Zhuravlev, V. V. “Pervaia Gosudarstvennaia дума: ‘zvezdnyi chas rossiiskogo liberalizma’, dlitel’nostiu v 72 dnia” [“The First State Duma: ‘Russian Liberalism’s Finest Hour’, Lasting 72 Days”]. *Rossiiskii liberalizm i Gosudarstvennaia Duma. 1906–1917 gg.* [Russian Liberalism and the State Duma. 1906–1917], part 1. Orel. Izdatel’skii dom “ORLIK” Publ., 2019, pp. 26–58. (In Russ.)

Lebedev, Iu. V. “Istoricheskie sudby krest’ianskoi obshchiny” [“Historical Fates of the Peasant Community”]. Lebedev, Iu. V. “O slovo russkoe, rodnoe!” *Stranitsy istorii otechestvennoi literatury* [“O Russian Word, My Native!” Pages from the History of Russian Literature]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2014, pp. 382–425. (In Russ.)

Kocheshkov, G. N. “Fevralskaia revoliutsiia i agrarnyi vopros v Rossii: neudavshiisya liberalnyi proekt” [“The February Revolution and the Agrarian Question in Russia: A Failed Liberal Project”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, vol. 21, no. 2, 2015, pp. 30–36. (In Russ.)

Novikova, N. V. "L. N. Tolstoi i P. A. Stolypin: vopros o zemle (istoricheskoe protivostoianie pisatel'ia i politika)" ["L. N. Tolstoy and P. A. Stolypin: The Land Question (The Historical Confrontation Between Writer and Politician)"]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Filologii. Zhurnalistika*, vol. 22, no. 2, 2022, pp. 223–231. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-223-231> (In Russ.)

Poliubina, I. B. "Agrarnyi vopros v ekonomicheskoi nauke Rossii nachala XX veka" ["The Agrarian Question in Russian Economic Science at the Beginning of the 20th Century"]. *Finansy i kredit*, no. 15 (105), 2002, pp. 80–91. (In Russ.)

Rumiantseva, E. E. "Diskussii o zemle: L. N. Tolstoi, T. M. Bondarev i P. A. Stolypin" ["Discussion of Land: L. N. Tolstoy, T. M. Bondarev, and P. A. Stolypin"]. *Materialy tolstovskikh chtenii 2020 goda v Gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo* [Proceedings of the 2020 Tolstoy Readings at the L. N. Tolstoy State Museum]. Moscow, RG-Press Publ., 2021, pp. 238–246. (In Russ.)

Semeeva, S. A. "Vzgliad L. N. Tolstogo na reshenie agrarnogo voprosa v Rossii nachala XX v." ["L. N. Tolstoy's View on the Resolution of the Agrarian Question in Russia in the Early 20th Century"]. *Problemy agrarnoi istorii Rossii* [Problems of Agrarian History of Russia]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2021, pp. 103–108. (In Russ.)

Sidorovnin, G. P. "Lev Tolstoi protiv Petra Stolypina: spor o zemle" ["Leo Tolstoy vs. Pyotr Stolypin: The Land Dispute"]. *Gumanitarii: aktualnye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia*, no. 4 (36), 2016, pp. 72–78. (In Russ.)

Smirnov, S. N. "K voprosu o pravovykh i ekonomicheskikh posledstviakh preobrazovaniia agrarnoi sfery Rossii v gody reform P. A. Stolypina (1906–1911)" ["On the Legal and Economic Consequences of Transformations in the Agrarian Sphere of Russia during the Years of P. A. Stolypin's Reforms (1906–1911)"]. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*, no. 5 (173), 2019, pp. 37–40. (In Russ.)

Khristenko, D. N. "Russkie klassiki i sud'ba Rossii v proizvedeniiakh amerikanskogo pisatel'ia Morisa Khindusa" ["Russian Classics and the Fate of Russia in the Works of the American Writer Maurice Hindus"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 2, 2025, pp. 240–257. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-240-257> (In Russ.)

Iur'ev, V. M. "Osobyi put' resheniia agrarnogo voprosa v Rossii (k 90-letiiu stolypinskoi reformy)" ["A Special Way to Resolve the Agrarian Question in Russia (On the 90th Anniversary of the Stolypin Reform)"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki*, no. 3 (7), 1997, p. 25–45. (In Russ.)